

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

В эпоху постмодерна с развитием информационных технологий возможности «креативного» воздействия на социальную реальность и социальных субъектов резко увеличиваются. Отрицание объективного характера существования наций, этносов, рас и вообще социальных групп – типичная черта современного социального конструктивизма, окончательно погрузившегося в мир рефлексии и принимающего за первичную и единственную реальность эпистемологические феномены. Так, Р. Брубейкер, уточняя свое понимание онтологического статуса больших социальных групп, пишет: «Переосмыслить в этом духе этничность, расу и национальность – отнюдь не значит усомниться в их реальности, преуменьшить их силу или принизить значимость; такое переосмысление означает, что их реальность, сила и значимость истолковываются иначе. Понимание реальности расы, например, не требует постулирования существования рас. Расовые идиомы, идеологии, нарративы, категории и системы классификации, а также расовые установки в понимании, мышлении, разговоре и фреймирующих заявлениях являются реальными и важными, особенно когда они встроены во властные (powerful) организации. Но реальность расы, и даже ее чрезвычайная принудительная сила в некоторых обстоятельствах, не зависит от существования «рас». Так же и реальность этничности и национальности — и решающая сила этнической и национальной идентификаций в некоторых обстоятельствах—не зависит от существования этнических групп или наций как субстанциальных групп или сущностей»¹.

Расы и нации, согласно позиции социального конструктивизма, не являются субстанциями, объектами в мире «вещей в себе», частью объективного мира в собственном смысле этого слова – как независимого от воли и сознания чело-

¹ Р. Брубейкер. Этничность без групп [Текст] /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 30.

века. Расы, нации и этносы – плоды интеллектуальной деятельности ученых, способы категоризации и фреймирования мира, способы его когнитивного представления. Отрицание объективного характера нации, во-первых, почти лишает смысла анализ ее «объективных» компонентов, таких, как территория, язык, общая культура, способы хозяйственной деятельности, а во-вторых, по существу сводит нацию к самосознанию людей, которые ее представляют. Крупнейший отечественный представитель конструктивизма В.А. Тишков отмечает, что «нация – это воображаемая общность, социальный конструкт, политическая метафора, обладающая мобилизующей силой и имеющая почти всеобщее распространение. Тем самым эта категория политики и идеологического дискурса становится реальностью в силу своего воздействия на сознание и поведение людей. Нация – это форма коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они считают нацией»¹.

Итак, с точки зрения социального конструктивизма нации, расы, этносы обретают реальность и значимость только тогда, когда имеются референтные субъекты или группы субъектов, которые отождествляют себя с ними, считают себя принадлежащими к данным социальным конструкциям. Идея идентичности становится таким образом основополагающей, именно идентичность субъектов онтологизирует социальные общности, придает им особую «субъективную» реальность, делает их подлинными инструментами социокультурного развития.

Конструктивисты, безусловно, правы в утверждении о том, что нации конституируются на основе самосознания (идентичности) субъектов, которые относят себя к данной нации. Однако подчеркивание сугубо воображаемого, выдуманного, вымышленного характера современных наций может иметь пагубные последствия и для самих наций, и для национальных идентичностей. Рас-

¹ Тишков В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. В кн.: Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 9.

суждая о знаменитой книге Б. Андерсона «Воображаемые сообщества», Э. Смит пишет: «Термины вроде «изобретения» и «воображения» могут означать различные вещи и обычно используются именно в тех смыслах, от которых Андерсон стремится дистанцироваться: очень легко перейти от «воображаемого» в смысле «вымышленного» к «воображаемому» в смысле «иллюзорного» или «сфабрикованного...»¹.

При всей своей онтологической относительности «объективные» признаки нации – территория, язык, культура и история, способы хозяйственной деятельности и пр. – на самом деле являются объективными (без кавычек) постольку, поскольку имеют, как правило, солидный исторический бэкграунд и поэтому напрямую не соотносятся с той формой национального самосознания (идентичности), которая существует на данный момент. Новое поколение всегда (по крайней мере, в современном мире) идентифицируется по отношению к уже существующим институтам, формам и факторам национальной жизни. Человек не выдумывает новый язык, а усваивает и пользуется уже имеющимся языком. Перед его интеллектуальным взором в процессе социализации проходят основные вехи мировой и национальной истории, шедевры мирового и национального искусства. Живет он чаще всего на территории, на которой жили его предки. Эта объективная реальность, включая природное обрамление социальной жизни, ограничивает возможности конструирования, задает рамки деятельности, определяет границы творческого воображения.

Очевидно, что большинство людей по своей природе являются примордиалистами, в том смысле, что принимают социальную реальность как нечто данное и почти неизменное. Они не задумываются о смысле таких слов, как «государство», «нация», «идентичность». Сомнение в объективном существовании собственной нации или этноса означало бы для них сомнение в существовании самих себя. Для политиков ситуация выглядит примерно таким же об-

¹ Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. С. 255.

разом – они не сомневаются в объективном характере существования возглавляемых ими институтов и социальных групп. Сам вопрос об онтологическом статусе «государства» или «нации» вызвал бы у них недоумение и настороженность. Даже сознательно участвуя в составлении социальных проектов или технологий, превращаясь в «социального инженера», политик не сомневается в подлинности того материала, с которым имеет дело.

Постмодернистские разоблачения нации, лишение ее реального онтологического статуса, сведение национальной целостности только к совокупности составных частей, легко поддающихся деконструкции, только к волюнтаристской прихоти референтных субъектов потенциально угрожают организации социальной жизни как совокупности национальных объединений. Кроме того, эти постмодернистские научные (или псевдонаучные) усилия созвучны прогнозам многих аналитиков о том, что в эпоху глобализации суверенные нации должны постепенно уступить место более крупным политическим образованиям.

Так, Э. Хобсбаум, пытаясь пророчески взглянуть на мировую историю XXI века, отмечает, что ее «неизбежно придется писать как историю такого мира, который уже не может быть удержан в жестких рамках «наций» и «наций-государств» в их прежнем толковании – политическом, экономическом, культурном и даже лингвистическом. История эта будет в значительной степени супранациональной и инфранациональной, но даже инфранациональность – независимо от того, рядится ли она в одежды какого-либо мини-национализма или нет – станет симптомом упадка старых наций-государств в качестве эффективно действующих структур».¹ Однако, прошло более двух десятилетий, и ни один из подобных прогнозов так и не сбился. Более того, суверенные нации-государства только укрепляют свое положение на международной арене.

Тем не менее, атаки на нацию и национальную идентичность, идущие с самых разных сторон, продолжаются. Одни из этих атак носят научный характер, они проистекают из аналитического постмодернистского стиля мышления,

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб: Алетейя, 1998. С. 303.

направленного по самому своему характеру на разъединение целостных социальных и эпистемологических блоков, разукрупнение научных и философских дискурсов и нарративов. Давление на национальную форму жизни со стороны глобализации носит объективный характер, обусловленный имманентным универсалистским характером глобализационных процессов. Однако важно отметить, что бенефициариев подобных невольных атак может найтись множество, и они способны использовать деконструирующий потенциал постмодернистской науки и универсализм глобализации в своих целях.

Еще один важный аспект дискурса о национальной идентичности в контексте возможных деконструирующих для нее последствий связан с характером развития современной информационно-технической цивилизации. Резкое ускорение социального развития еще более отчетливо продемонстрировало текучесть и изменчивость многих форм и факторов социальной жизни. Наиболее «пострадавшей» в такой ситуации оказывается идентичность, нуждающаяся в постоянстве, неизменности, подлинности, требующая наличия более или менее устойчивых социальных институтов и культурных традиций, с которыми она могла бы себя соотнести и уцепиться за них как за спасительный якорь в хаосе перемен. «Мы стоим перед необходимостью понять: как меняется в этой ситуации понятие развития, и возможно ли в этом случае вообще развитие? Развитие – это тогда что? Ситуация, в которой можно четко проследить начало, продолжение, традицию и перспективу? Или это ситуация отрицания каждого предыдущего шага последующим? Если последнее, то зачем вообще с чем-то идентифицироваться, если течение истории превратит эту идентичность в мусор на пути перемен?»¹.

Иными словами, идентичности меняются вслед за трансформацией социокультурного ландшафта, они становятся «жидкими»². Экстраполяция этих различных пониманий идентичности на национальную идентичность может иметь

¹ Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 18.

² См.: Разлогов К.Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 28-40.

весьма негативные политические и социокультурные импликации вплоть до «идентификационного нигилизма». Очевидно, что национальная идентичность функциональна только тогда, когда она является твердой и устойчивой, способной задавать общую социальную рамку большинству представителей данного народа. На основе «жидкой» идентичности нации будут слабыми, нежизнеспособными, а государства могут оказаться перед перспективой распада. Но где идентичности обрести твердую основу в мире перемен, как сделаться устойчивой в ситуации «текучей современности», выражаясь языком З. Баумана? Настоящее и будущее, лишённые определенности, вряд ли способны выступить в роли надежных источников идентичности. Единственным реальным источником формирования устойчивых современных групповых идентичностей может быть только прошлое, поскольку оно уже произошло, существует в определенном объеме, представляет собой внятный объект понимания и изучения. «Негативные следствия разрушения и деформации хронотопа сегодня стали очевидны. Лишённый устойчивой идентичности человек информационного общества превращается в “человека-Протея”. Чувство неустроенности человека “эпохи перемен” в условиях нехватки адаптивных возможностей и неудержимо расплывающихся нитей ткани идентичности рождает естественное реактивное образование – отчетливо просматривающуюся тенденцию к усилению фундаменталистских установок, романтизации прошлого, всплеску традиционализма и поиску “скреп”»¹.

Работа по укреплению идентичности в современной России идет сегодня именно по этому пути – позитивная репрезентация прошлого (исторического и культурного) с целью оптимизации актуального социокультурного развития страны, укрепления универсальных в масштабах Российской Федерации форм идентичности.

¹ Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 21-22.